

Наследие Пушкина и социалистическая культура

Б. Мейлах

В праздновании пушкинского юбилея с исключительной яркостью проявляется все величие социалистической культуры. Во всех концах нашей необъятной родины развернулась подготовка к юбилею. Произведения великого русского поэта, переведенные более чем на пятьдесят языков, с любовью читают и изучают эскимосы полярных тундр и хлопкоробы Узбекистана, таджики и чуваша, белоруссы и украинцы, хантейцы и эвенки. Близким и дорогим стало творчество Пушкина людям таких краев, где до Великой пролетарской революции не знали даже имени поэта. Гордо реет знамя социализма над Страной Советов, впервые в мире предоставившей трудящимся всех национальностей не только право на труд и на образование, но и возможность действительного осуществления этих прав. Те самые деревни, где менее двух десятков лет назад процветал «невежества губительный позор», живут яркой культурной жизнью. В селе Михайловском на пушкинском празднике присутствовало пятнадцать тысяч человек. Но такой необычайный интерес к одному из лучших представителей русской классической литературы характерен не только для пушкинских мест, где в колхозах стало обычаем проведение «литературных сред». Величайшие достижения культуры, доступные ранее лишь классам угнетателей, становятся достоянием миллионных масс.

Народы Советского Союза, руководимые своей героической партией, на деле осуществляют заветы Ленина о культурном строительстве. «Марксизм, — писал Ленин, — завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания

буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая (практическим опытом) диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»¹. Вся история культурного развития послеоктябрьских лет является свидетельством претворения в жизнь этих ленинских идей. Именно укрепление и расширение базы диктатуры пролетариата обеспечило возможность действительно всенародной борьбы за создание социалистической культуры. В массовых пушкинских конференциях заводов и колхозов, в многочисленных откликах нашей печати на юбилей, в народных сказаниях о Пушкине проявляется социалистическое отношение к классическому наследию.

Произведения Пушкина, великого гуманиста, певца солнца и разума, находят живой отклик в сердцах современников. В пушкинском творчестве нам созвучны вера в победу прогресса, реализм, насыщенность высокими мыслями и чувствами, органическая жизнерадостность, поэтизация свободного творческого труда, стремление к созданию подлинно народного искусства. Поэтому пушкинские торжества становятся грандиозным праздником всей советской страны.

Царская Россия устраивала не мало юбилеев великих русских писателей. Об одном

¹ Ленин, т. XXV, стр. 410 (подчеркнуто мною.— Б. М.).

из таких юбилеев Ленин писал: «Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным»¹. Стремление буржуазно-дворянских идеологов извратить подлинное содержание великой русской литературы проявилось и в праздновании столетнего юбилея со дня рождения Пушкина в 1899 году. Бесцветность и пошлость казенных юбилейных торжеств была отмечена даже в легальной печати. «Никакого радостного возбуждения в русском обществе нет и быть не может, — писал по поводу юбилея один из критиков «Вестника Европы», — этому мешает все пережитое им и переживаемое до сих пор. Немыслимо душевное спокойствие, пока из неурожайных губерний приходят вести о постоянно усиливающемся народном бедствии, пока подлечит спору существование земской школы...» Другой критик в статье «Не удавшийся праздник» констатировал, что «волна» пушкинских торжеств «не приподняла общественного настроения, не влила бодрости в угнетенную общественную среду, она не смыла даже той грязи, которой так много в общественной жизни...»

Мрачный колорит пушкинского юбилея 1899 года, доставившего не мало опасений III отделению, настороженно ожидавшему «нарушений общественного спокойствия», усиливался теми оценками, которые давались творчеству Пушкина. Поэт, героически восставший против деспотизма и крепостничества самодержавного государства и прогнавший сквозь все преследования царского правительства мечту о свободе народа, был загроможден под верноподданного христианина. Доклад В. Е. Якушкина «Общественные взгляды Пушкина», в котором говорилось о связях поэта с декабристами, охранка запретила печатать и возбудила особое дело об авторе. А всевозможными брошюрами о «религиозности» Пушкина, его «сыновней любви к императору», вере в «спасительную силу смирения» были буквально завалены книжные прилавки. Царская Рос-

сия боялась Пушкина. Она травила его, когда он жил, и организовала его убийство Дантесом. Она боялась и мертвого поэта и хоронила его тайно от народа. Она создала легенду о примирении Пушкина с Николаем I. Наконец, она принимала все меры к тому, чтобы затормозить проникновение Пушкина в народные массы. Подводя итоги юбилея 1899 года, профессор В. В. Ситовский признавал, что «нельзя было ожидать всенародного энтузиазма», и празднества носили не народный, а чисто академический характер. Но либеральный профессор был далек от того, чтобы вскрыть истинный характер этого «академизма». Министерство просвещения и охранка приняли все меры к тому, чтобы «обезвредить» прогрессивное содержание пушкинского творчества. По директивам свыше, сотни попов служили в городах и деревнях панихиды по Пушкине, увещевая нищих, угнетенный помещиками и капиталистами народ учиться у великого поэта «христианскому терпению». О том, с какой скрытой злобой народ принимает эти речи и панихиды, свидетельствуют дошедшие до нас рапорты охранников. Так об одном из таких инцидентов начальник Седлецкого губернского жандармского управления докладывал департаменту полиции:

«26 мая в военном соборе крепости Брест-Литовска, перед панихидой по А. С. Пушкине, протоиерей Брижовский сказал слово, в котором обрисовал покойного поэта, как человека в высшей степени безнравственного, распутного и плохого христианина, хотя и умершего по-христиански, т. е. приобщившись св. тайн. Трагическая преждевременная смерть Пушкина, по словам Брижовского, ниспослана была ему богом, как возмездие за неоднократное нарушение семейного счастья других. В заключение проповеди протоиерей Брижовский просил предстоявших помолиться о прощении грехов покойного. Все присутствовавшие на богослужении в соборе вынесли самое тяжелое впечатление. Особенно недоумевали нижние чины, для которых в этот день устроен был ряд праздников, почему вся Россия чествует день рождения столь дурного человека».

В этом рапорте характерен и самый тон его, и осторожная оговорка его о том, что «особенно недоумевали нижние чины...»

О разрешении солдатам «недоумевать»

¹ Ленин, т. XII, стр. 331.

ничего не говорилось в уставе, и жандармский начальник счел необходимым отметить в донесении топорные приемы протоиерея. Не было предела издевательствам над памятью Пушкина! Мало того, что его «чествовали» как защитника самодержавного строя, певца религиозного смирения. Попечитель Петербургского учебного округа предложил «при служении панихиды по А. С. Пушкине провозгласить вечную память императорам Павлу I, Александру I и Николаю I...»

Великая пролетарская революция положила конец всем издевательствам над памятью Пушкина, сделала его произведения доступными народу, освободила их от цензурных искажений и «поправок» официозных редакторов. В первые же годы революции, когда страна пылала в огне гражданской войны, на печатание сочинений Пушкина отпущались колоссальные для того времени бумажные фонды. В библиотеках, среди многочисленных, хорошо оформленных изданий Пушкина последних лет, еще встречаются эти небольшие книжечки, отпечатанные на газетной бумаге, в неприглядных серых обложках. Кое-где сохранились и «Русалка», изданная в 1918 году «Комиссариатом народного образования Туркестанской республики», и «Сказки», изданные в том же году «Союзом потребительских кооперативов Нижегородского района», «Евгений Онегин», и «Кавказский пленник», и «Медный всадник», и «Стихи о свободе», печатавшиеся в 1919 году в Петербурге тиражами в 50 000 экземпляров. В этом стремлении ознакомить широкие массы с творчеством великого русского поэта как бы проявлялось возмездие истории, так хорошо выраженное в известных стихах Багрицкого:

Я мстит за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос
И сердце колотилось безотчетно,
В глазах светлело, ветер налетал,
И в плеске пуль, сквозь голос пулеметный,
Я вдохновенно Пушкина читал!

И вот теперь на двадцатом году существования советской власти мы празднуем пушкинский юбилей. Образ Пушкина встает перед нами во всем его величии. В свете отношения народных масс к пушкинскому творчеству со всей очевидностью обнаружи-

вается ничтожество оценок великого поэта теми многочисленными фальсификаторами, которые на протяжении десятков лет пытались, каждый на свой лад, принизить его значение. Истинная сущность пушкинского творчества, его действенный критицизм, самоотверженная борьба поэта в литературе и жизни со всем реакционным, обветшалым, мешающим историческому прогрессу, его революционное художественное новаторство находят отклик в сердцах миллионов советских читателей

В статье «Памяти Герцена» Ленин писал: «Чествуя Герцена, мы ясно видим три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли» Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря

Буря — это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян»¹. В этих словах с предельной ясностью показаны характерные черты каждого революционного поколения. Говоря, что дворянские революционеры были «страшно далеки от народа», Ленин вместе с тем отмечает, что они составили необходимое звено в освободительном движении. Именно из этой оценки Ленина следует исходить при рассмотрении исторического значения Пушкина. Своим творчеством, в котором с огромной художественной силой отразилась вся эпоха с ее противоречиями, деспотизмом самодержавия, крепостническим гнетом, восстанием декабристов, крестьянскими бунтами, Пушкин будил не только поколение Герцена, но и последующие революционные поколения.

При всей сложности политической эволюции Пушкина совершенно несомненной является его резко отрицательное отношение к самодержавно-крепостническому государ-

¹ Ленин, т. XV, стр. 468 — 469.

ству. Это отношение, проявившееся во всех его произведениях, в письмах, в дневниках, осталось неизменным до самой смерти поэта. Он ненавидел Россию Николая I и Бенкендорфа, как раньше ненавидел александровскую Россию. Духом критицизма и острого социального протеста наполнена лирика Пушкина, его байронические поэмы, «Борис Годунов», «Медный всадник», художественная проза. Характеристику российской действительности, отразившуюся в пламенных строфах оды «Вольность», можно с полным правом считать как бы тезисом всего пушкинского творчества:

Увы! Куда не брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов публичный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — Рабства прозный Гений
И Славы роковая страсть.

Этот лейтмотив звучит во всем многогранном творчестве Пушкина. Он присутствует не только в больших эпических произведениях. Мы слышим его в посланиях поэта к друзьям, в лирике, посвященной природе, в шуточных экспромтах, в колких эпиграммах.

Еще находясь в лицее, Пушкин начал разрабатывать тему о противоречии между личностью и ничтожной деспотической окружающей средой. Уже в написанном шестнадцатилетним поэтом стихотворении «К Лицинию» намечен мотив ухода лирического героя из этой среды:

Не лучше ль поскорей со прадам распросто-
ститься,
Где все на откупе: законы, правота,
И жены, и мужья, и честь, и красота?

Я сердцем римлянин, кипит в груди сво-
бода,
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний! поспешим далеко от забот,
Безумных гордецов, обманчивых красот,
Докучных риториков, парнасских Геростратов...

Образы этого стихотворения, в котором использована семантика третьей сатиры Ювенала, находят свое дальнейшее развитие в поэзии Пушкина. В лицейских посланиях 1815—1816 годов, еще носящих следы ученического подражания лирике Батюшкова и Жуковского, поэт противопоставляет круг «друзей», чуждых «этикету», презирающих суету «столиц, забот и гро-

ма», кругу вельмож и прислуживающих им «высоко, тонко и хитро» «придворных философов». В посланиях этих еще содержатся лишние элементы сентиментальной идиллии («Нашел в глуши я мирный кров и дни веду смиренно...»). Но враждебность поэта существующему порядку вещей отразилась и в этих стихах с достаточной определенностью. «Мудрецом придворным» может быть лишь тот, кто умеет льстить «с улыбкою притворной», а не тот, кто «друг мудрости прямой», кто «правдив и благороден». В послании «К Жуковскому» (1817) Пушкин впервые разворачивает свое поэтическое credo, призывая «парнасских жрецов» разить варваров — «дерзостных друзей непросвещения», и заявляет о своей готовности терпеть гонения за истину. Политика крови и железа, проводившаяся царским правительством во всех областях общественной жизни, иезуитское нивелирование личности по единому казенному образцу, враждебность крепостнического государства ко всем проявлениям творческой индивидуальности — все это быстро переживалось Пушкиным, вызывало напряженные поиски новых жизненных путей. Насколько велика была сила отрицания в раннем творчестве Пушкина, свидетельствует стихотворение, написанное им почти тотчас по выходе из лицея:

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гении мы найдем?
Где гражданин — с душою благородной,
Возвышенной и пламенною свободной?
Где женщина не с холодной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный,
С кем можно быть не холодным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел...

Подобные оценки феодально-крепостнической России Пушкин давал на всем протяжении своего жизненного пути. «Проклятая Россия», «святая Русь мне становится невтерпех», «свинский Петербург», «чорт догадал меня родиться в России»... Все эти реплики, содержащиеся в письмах Пушкина, неоднократно цитировались. Совсем недавно один исследователь, приведя сводку этих реплик, сделал вывод, что Пушкин был «европейцем», «гражданином всего мира», и национальность его выразилась лишь по-

стольку, «поскольку его творчество отразило русскую действительность».

Вывод глубоко назревший! Содержание пушкинских обличений России близко содержанию известных слов Чернышевского: «Жалкая нация, нация рабов, с верху до низу — все рабы!» По поводу этих слов Чернышевского Ленин заметил: «...это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было»¹. Пушкин, как мы видели, также с болью ощущал малочисленность в России его времени граждан с душой «возвышенной и пламенно-свободной». В стихотворении «Овобождён сеятель пустынный» он признавался в безуспешности своей агитации за идеи свободы. Но нужно обладать не только полным отсутствием поэтического чутья, но и абсолютным непониманием Пушкина, чтобы подобно некоторым критикам не видеть затаенной горечи в строках этого стихотворения:

Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич,
К чему спадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Не барский «европеизм» подсказывал Пушкину эти строки, а горячая любовь к родине и великому русскому народу, страдавшему под гнетом самодержавия и крепостничества. Пушкин с презрением отзывался о людях, которые «не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени князя Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке». Фальшивый «патриотизм» русского консервативного дворянства был жестоко осмеян Пушкиным. «Гостинные наполнились патриотами, — иронически заметил он, повествуя в романе «Рославлев» о начале войны с Наполеоном: — кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принял за... кислые щи. Все заклились говорить по-французски: все кричали о По-

жарском и Миниче и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни». В этой блестящей сатирической характеристике ханжества и лицемерия «патриотов», проповедывавших «народную войну» перед отъездом в свои поместья, Пушкин переключается с Салтыковым-Щедриным. Да, Пушкин ненавидел крепостническую Россию, с ее варварским отношением к человеку, с аракчеевским режимом, с военными поселениями, с цензурой, запрещающей свободное слово. Но эта ненависть была оборотной стороной национальной гордости.

В национальной гордости Пушкина не было ни капли национальной ограниченности. Ему, великому сыну великого русского народа, были дороги интересы угнетенного человечества всего мира. Никто из русских писателей этого времени не проявлял такого живого и глубокого интереса к политической жизни Европы, как Пушкин. Он восторженно приветствовал греческое национально-освободительное движение. По его мнению, «ничто еще не было так народно, как дело греков». С надеждой и тревогой следил поэт за революционными восстаниями в Италии и Испании. Сочувствие Пушкина национально-освободительному движению в странах Европы и его стремление к заимствованию для России прогрессивных сторон «европейского просвещения» привело к тому, что официальная общественность царской России отказывалась признавать в его творчестве национальное достоинство. Но Пушкин еще в 1821 г. иронически отозвался о своих врагах из крепостнического лагеря: «Бывало, что ни напишу, все для иных не Русью пахнет».

«Только революционная голова, подобная Пестелю и М. Орлову, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке», — написал Пушкин в 1822 году в одной из черновых тетрадей. Народ с его прямодушием, одаренностью, ненавистью к угнетателям, богатым, гибким языком, замечательными песнями и сказками — вот, по мнению Пушкина, лучшее, что было в России. Этими качествами великого русского народа он гордится и перед иностранцами. Темперамент непримиримого врага фальшивых

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 80—81.

«патриотов» из крепостнического лагеря чувствуется в изображенном в романе «Рославлев» эпизоде пребывания в России знаменитой французской писательницы и политической деятельницы Жермен де-Сталь. После описания обеда, данного в честь путешественницы одним из московских князей, обеда, на котором приглашенная знать обнаружила свое полное ничтожество и тупость, Пушкин устами героини романа Полины восклицает: «Но пускай, пускай она (де-Сталь) вывезет об этой светской черни мнение, которого они достойны. По крайней мере она видела наш добрый простой народ и понимает его. Ты слышала, что она сказала этому старому несносному шути, который, из угождения к иностранке, вздумал было смеяться над русскими бородами: «Народ, который тому сто лет отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову». С какой гордостью писал Пушкин о русском народе! В его произведениях, заметках, письмах рассеяно множество замечаний о героическом прошлом народа, о его богатом устном творчестве, о чертах народного характера — «веселом лукавстве ума, насмешливости, живописном способе выразиться».

Пушкин с любовью хранил память о людях, выразивших чаяния народа. Степана Разина он назвал «единственным поэтическим лицом русской истории», а критикуя одну из статей декабриста А. Бестужева, заметил: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?»

Исключительно интересная характеристика русского крестьянства содержится в одном из черновых вариантов статьи по поводу книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Характеристика эта дана в форме беседы с англичанином:

«Я. Живали вы в наших деревнях?»

Он. Я видел их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я. Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. Его опрятность, смысленность и свобода.

Я. Как это?

Он. Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки.

О его смысленности говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия: никогда не встречал я между ними то, что соседи наши называют *in badaut* (простофиля), никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна, проворство и ловкость удивительны.

Я. Справедливо: но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него, что может быть свободнее его обращения? Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии?

Я. Не удалось.

Он. Так вы не видели оттенков подлости, отличающих у нас один класс от другого. Вы не видели раболепного *maintien* (поведения) нижней палаты перед верхней, джентельменства перед аристократией, купечества перед джентельменством, бедности перед богатством, повиновения перед властью...»

Совершенно очевидно, что англичанин имеет здесь в виду не свободу политическую, которую русский крестьянин не имел, а чувство собственного достоинства, отсутствие раболепия перед «богатством» и «рабского унижения»¹. Уже этот «Разговор» показывает, что Пушкин вовсе не считал, будто лучшее из всего, что существовало в России, перенесено с Запада. Но на этом моменте мы еще остановимся. Естественна та ненависть, какую должен был испытывать поэт к тем, кто являлся виновниками

¹ Содержащиеся в этой статье и особенно заметке в черновой рукописи попытки Пушкина представить политическое положение крестьянства сравнительно благополучным (глава «Русская изба») свидетельствуют лишь о том, что он не забывал о трудностях проведения этой статьи через цензуру (он так и не решился ее печатать). Любопытно, что Пушкиным было из этих же соображений зачеркнуто оставшееся в черновике декларативное заявление: «Избави меня, боже, быть поборником и проповедником рабства». Однако, он все же оставил в беловом тексте следующее замечание о положении крестьянства: «Конечно, должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного».

рабства народа. В стихотворении «Деревня», «Румяный критик мой», в «Истории села Горюхина», «Дубровском» он воссоздал бессмертные картины утнетенной и разоренной русской деревни. Насилия и издевательства помещиков над крестьянами рассматривались им в неразрывной связи с общим стремлением государства к закреплению личности во всех областях общественной жизни. «...Политическая свобода наша неразлучна с освобождением крестьян», — писал он в одной из заметок по истории России.

Способ разрешения противоречий между стремящейся к освобождению от уз деспотизма личностью и окружающей действительностью Пушкин видел только в реальной жизненной борьбе. Все иные способы он отвергал. Ему был чужд мистицизм, в котором обретали путь к примирению с действительностью многие его современники. Мы знаем, что в минуты отчаяния, вызванные безысходностью жизни в царской России, Пушкин задумывался о возможности перехода на путь религиозного смирения. Но его ум рационалиста, воспитавшегося на философии западных просветителей, не мог видеть за пределами «земной жизни» ничего иного, кроме «ничтожества». И поэтому элегия «Надеждой сладостной младенческой дыша» (1823), в которой поэт признается в тщетности своих попыток предаться «пленительной мечте» о мире, «где смерти нет, где нет предрассуждений», оканчивается восхвалением жизни со всеми ее человеческими радостями:

...И долго жить хочу, чтоб долго образ
милый
Таился и пылал в душе моей унылой!

В 1824 году Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Беру уроки чистого афеизма... Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к счастью, более всего правдоподобная». Несомненно, Пушкин верил только в специфическое бессмертие — «бессмертие своих творений». Он не только для себя отвергал путь религиозного смирения, но дискредитировал его и в своих художественных произведениях. Поэмы «Монах» и «Гавриилиада», стихотворения, содержащие пародии на мистические религиозные образы — на одном полюсе пушкинского творчества, и несколько стихотворений, содержащих религиозные

мотивы¹ — на другом, — несомненно показывают, что Пушкин предпочитал именно правдоподобную систему «утешительной».

Оставался еще путь успокоения от жизненных бурь, путь ухода от жизненных противоречий в мир романтических абстракций. Но пассивный романтизм, противопоставивший действительности социальных катастроф мечту о «золотом веке» и воспевание «чистого искусства», был чужд Пушкину. В пушкинском романтизме нашли выражение протест против «неволи душных городов», призыв к разрыву оков «светской жизни» и вера в победу исторического прогресса. Однако, романтический метод изображения действительности Пушкин сравнительно быстро преодолел. О своих романтических поэмах он отзывался сурово и ценил в них именно реалистические элементы. «Характер пленника неудачен, — писал он о «Кавказском пленнике», — ... я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19 века...» Наиболее удавшейся частью поэмы поэт считал изображение обычаев и нравов черкесов.

Обличение «светской черни» нашло наиболее яркое выражение в последней из «байронических поэм» — «Цыганах»:

Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят,
И просят денег, да цепей —

такова характеристика людей, от которых ушел отщепенец Алеко. Под влиянием учения Руссо Пушкин воплощает в этой поэме идею о «естественной» близости к природе, в противовес возвращающему влиянию цивилизации.

Но реалистическое мышление заставляет Пушкина отрицать в поэме возможность разрешения конфликта между личностью и общественной средой путем «добровольного изгнания» — простого ухода от этой среды. Яркая и свежая по сравнению со светской жизнью, однообразной «как песнь рабов», «дикая воля» цыган. Но Алеко, ненавидящий «неволю душных городов», сам сложил-

¹ Например, «Монастырь на Казбеке», перевод стихотворения Бенъена — «Странник», «Отцы пустынноики».

ся под влиянием этой неволи, он носит на себе ее клеймо. Он «для себя лишь ищет воли», и его конфликт с мудростью «смиренной вольности детей» неизбежен. Ему, воспитавшемуся в иной среде, нельзя «опроститься», отказаться от основного порока этой среды — от эгоизма, желания утвердить свое неписанное право хотя бы путем подавления прав других людей. В песне Земфиры и рассказе старого цыгана заключена одна из основных идей этой поэмы — о праве личности на свободное проявление своей индивидуальности, на свободную, лишённую расчетов и принуждений, любовь. На слова Алеко

...Земфира неверна,
Моя Земфира охладела —

старый цыган говорит о свободе любви и незаконности самой мысли о мести за «измену»:

К чему? вольнее птицы младость
Кто в силах удержат любовь?
Чредою всем дается радость?
Что было, то не будет вновь.

Но Алеко чужда мудрость цыгана:

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь.

Этими «правами», сложившимися в обществе, основанном на угнетении человека человеком, обосновывается убийство. Вне изменения основ человеческого общества не могут быть разрешены противоречия жестокой действительности. И романтическая поэма, в которой с такой красочностью изображены картины вольной жизни людей, признающих лишь «естественные» права, оканчиваются пессимистическим эпилогом:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под изданными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Итак, романтическая идеализация, как путь примирения жизненных противоречий, была отвергнута поэтом, так же как отверг он и религиозное смирение. В «Цыганах» отразился перелом пушкинского творчества от романтизма к реализму.

Идея необходимости изменения основ общественного строя, как единственном пути освобождения человеческой личности и избавления ее от «бед» и «роковых страстей», развернута в «Евгении Онегине» — «энциклопедии русской жизни» начала XIX века. Судьба героев романа — Онегина, Ленского, Татьяны — является приговором светскому обществу, терпящему лишь людей посредственных, исполненных «самолюбивой ничтожности». С потрясающей силой изобразил поэт в лирически проникновенных строках романа, как это общество душило всякие творческие порывы, калечило лучшие, одаренные натуры, порывавшиеся освободиться от его растлевающего влияния, превращало жизнь в унылый, не терпящий изменений обряд. Легкая ирония лирических отступлений сменяется скорбной интонацией, когда поэт говорит о безысходности жизни, в которой «свежие мечтанья» истлевают как листья пнилой осени. Таковы безутешные предположения поэта о том, что могло ждать безвременно ушедшего из жизни романтика Ленского:

Быть может, он для блага мира
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира,
Гремучий, непрерывный звон
В веках могла поднять. Поэта,
Быть может, на ступенях света
Ждала высокая ступень,
Его страдальческая тень,
Быть может, унесли с собой
Святую тайну, и для нас
Погиб животворящий глас,
И за могильною чертою
К ней не домчится гимн времен,
Благословение племен.

И этот путь — путь самоотречения во имя «блага мира» — привел бы Ленского к гибели. В пропущенной XXXVIII строфе VI главы Пушкин уточняет свою мысль. Ленский мог быть «повешен, как Рытеев». Но могло случиться и другое:

А может быть, и то: поэта
Обыкновенный ждал удел,
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел,
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне, счастлив и рогат,
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, голстел, хирел,
И, наконец, в своей постеле
Скончался б среди детей,
Плаксивых баб и лекарей.

Итак, в обоих случаях смерть: в первом — осмысленная как подвиг, который оценит лишь потомство («домчится гимн времен»), во втором — такая же бесцветная и пошлая, как жизнь. И рядом с этим показ преждевременной старости души, равнодушия к жизни людей, которые продолжают находиться в этой среде, не зная ни цели, ни труда, ни истинных увлечений.

Если в «Кавказском пленнике» Пушкину, по его собственному признанию, не удалось типическое изображение этого «равнодушия», свойственного «молодежи XIX века», то в образе Онегина он осуществил это с подлинным блеском. На всем протяжении романа раскрывается во всем своем многообразии это равнодушие, эта покорность уже раз сложившимся нормам поведения. Роковая власть уродливых обычаев и нравов продиктовала дуэль Ленского и Онегина, для которого, несмотря на весь его скептицизм, является решающим мнение «трибуна трактирного» Загорецкого:

Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шопот, хохотня глупцов,
И вот общественное мненье!
Пружина чести, наш кумир!
И вот, на чем вертится мир!

Апофеозом этого «общественного мнения» и является трагический конец романа. В нем не указан выход из мира лжи, лицемерия, пустоты, гнилое дыхание которого неизменно убивало живые порывы героев. Но широкое и правдивое изображение этого мира и судьбы попадающих в сферу его влияния людей с неумолимой логикой подсказывало единственно возможный вывод: не отщепенство, не «уединение», не пустой скептицизм, не романтический протест, а коренная ломка общественных отношений может предотвратить омертвление потенциально прогрессивных сил. Недаром в конце романа Пушкин признавался:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

Как художник-исследователь писал Пушкин роман «Евгений Онегин». С тщательностью исследователя изучал он и экономические основы изображаемой дей-

ствительности, и поведение героев, и весь фон действия. В процессе творчества он «еще не ясно различал», к какому концу должна привести логика тематических и сюжетных линий романа, преследуя лишь цель правдивого рассказа. Весь ход романа, воплотившего многообразие русской жизни этой эпохи, с новой силой выдвигал вопрос о реальном способе изменения действительности, о движущих силах исторического процесса и его закономерностях.

Идея развита, противопоставленная догматизму феодально-крепостнической идеологии, пронизывает все творчество Пушкина. История была для него сложным, противоречивым процессом, сопряженным с жертвами, неудачами, поражениями. В жизни «благо смешано со злом», борьба противоречий присуща и человеку:

Так нас природа сотворила,
К противоречию склонна.

В стихотворении «К вельможе», где дано «изображение целой эпохи в лице одного из замечательных ее представителей» (Белинский) Пушкин говорит об «обороте во всем кругообразном», а в стихотворении «Была пора» вновь указывает на закономерность исторического развития:

Недаром—нет!—промчалась четверть века!
Не суетите: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека,
Ужель один недвижим будет он?
Припомните, о, други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрия алтари.

Пушкин понимал, что историческому прогрессу враждебна неподвижность, свойственная феодально-крепостническому режиму с его стремлением подавить общественную активность, затормозить развертывание политической борьбы. «Устойчивость режима—первое условие народного счастья. Как согласовать ее с возможностью бесконечного совершенствования?» — записал Пушкин, готовя материалы для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний». С точки зрения «бесконечного совершенствования», необходимости и целесообразности рассматривались им исторические факты. Он умел выделить основное и су-

щественное, оценивая деятельность исторических личностей, и некоторые из его характеристик поражают своей остротой и диалектичностью. Так в материалах для «Истории Петра Великого» Пушкин писал: «Достоин удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненными доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого помещика».

Глубина и объективность этой оценки поразительны, если мы вспомним, как нарисован образ Петра в «Полтаве» или как изображена ломка Петром общественно-бытового уклада и европеизация России в «Арапе Петра Великого» и «Медном всаднике». Но Пушкину в высокой степени было свойственно понимание историческое и необходимо и глубоко чужды сентиментальные ламентации. Прогрессивная деятельность Петра, прорубившего «окно в Европу», перекрывала для Пушкина черты «нетерпеливого помещика».

Не менее оригинальна для своего времени и пушкинская характеристика исторического значения Наполеона. Если в лицейском стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815) Пушкин, следуя официальной патриотической точке зрения, изображает Наполеона лишь как свирепого «хищника», мечтающего среди «всеобщего разрушения» воссесть «царем на пробах», то иначе трактуется его образ в более позднем стихотворении «Наполеон». Поэт признает деспотизм императора, но в то же время называет его «великим человеком», указывает на «дивный ум» и отмечает вызванную наполеоновскими походами волну общественно-го возмущения в Европе:

И все как буря закипело;
Европа свой расторгла плен.

Стихотворение это написано в 1821 году. К тому же году относится запись Пушкина: «Он¹ говорил в 1820 году: «Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы посту-

пили глупо, свергнув Наполеона с престола». В свете такого понимания роли, которую объективно сыграл Наполеон в развязывании борьбы сил, порвавших в разных концах Европы путы феодализма, становится понятной и загадочная заключительная строфа стихотворения:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

А в стихотворении «Недвижный страж дремал» (1823) Наполеон — «чудный муж», «посланник провиденья», «мятежной волею наследник и убийца», «владыка Запада», противостоящий «владыке Севера», Александру I, перед которым «все пало, под ярем склонились все главы». Повидимому, Пушкин искренне сожалел, что наполеоновский поход не привел к революционному взрыву внутри «государства российского»...

Гуманизм Пушкина, мечтавшего о политической свободе, как мы видим, ничего общего не имел с «гуманизмом» современных ему сентиментальных мечтателей, занимавшихся бесплодными размышлениями об «ужасах» переворотов, для того чтобы оправдать существовавшие порядки. Гуманизм Пушкина заключал в себе ненависть к угнетателям, убеждение в необходимости завоевать политические права, признание неизбежности переворотов, если они ведут к историческому прогрессу.

Певец декабризма, состоявший в личной связи почти со всеми вождями тайных политических обществ двадцатых годов, глашатай свободы, агитировавший своими стихами за революционное действие, — таковым Пушкин вошел в историю одного из первых этапов русского освободительного движения.

Нелегальная политическая поэзия Пушкина не являлась простым отражением настроений, господствовавших в среде декабристов: она воодушевляла их верой в победу, звала вперед на борьбу за идеалы свободы и справедливости, а иногда укоряла за слабость и нерешительность. В послании к одному из наиболее активных членов «Южного общества», В. Л. Давыдову, нашли выражение вызванные неудачами революционно-

¹ Вероятно, Мих. Орлов или Охотников (оба активные деятели тайного общества Б. М.)

го движения сомнения в осуществлении идеалов свободы:

Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет...

Но пламенная вера поэта в победу революционного дела выразилась здесь с достаточной определенностью:

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! Мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся!..

Пушкин не избежал колебаний, как не избежали их и лучшие люди из декабристской среды. Оторванность декабристов — дворянских революционеров — от народного движения наложила отпечаток и на политическую нелегальную поэзию Пушкина. Воспевание террора, как метода борьбы с деспотизмом самодержавия, наряду с отрицательным отношением к революционному террору якобинцев (стих. «Кинжал»), отражало действительные убеждения большинства декабристов. Но еще задолго до декабрьского восстания у Пушкина возникали сомнения не только в серьезности устремлений либеральной оппозиции, но и в самих методах борьбы. В 1822 году он писал в заметках по русской истории, что «одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство». Могла ли борьба одних чужаков, изолированных от массового движения, совершить это «страшное потрясение» мощного самодержавного государства? Конечно, нет. Не следует, разумеется, забывать о двойственности отношения Пушкина к крестьянскому движению и его прямой боязни этого движения, как «бунта бесмысленного и беспощадного».

Но вместе с тем следует констатировать, что к концу первой половины двадцатых годов в теоретических взглядах Пушкина на роль личности в истории происходит резкий перелом. Если раньше он считал роль личности единственно решающей и исключительной, то теперь он приходит к пониманию ложности этой точки зрения. Любопытно, что эти размышления нашли выражение и во второй главе «Евгения Онегина», написанной в 1823 году — в год наиболее острого идейного кризиса поэта¹:

Мы почитаем всех нулями,
А единицами себя;
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

В каком плане здесь упоминается Наполеон, нам станет ясно, если вспомним следующие, обращенные к Наполеону строки из стихотворения, написанного Пушкиным в 1821 году:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир,
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный
Свободы яркий день вставал,—
Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел;
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой —
И обновленного народа
Ты буйность юную смирил...

На опасность захвата власти диктатором вопреки желанию и интересам народа указывали при осуждении способов переворота в России и наиболее демократические элементы тайных обществ двадцатых годов. В незавершенных набросках политических стихотворений Пушкина 1820—1823 годов мы находим отражение этих же опасений. Если учесть все эти моменты, а также усилившийся к 1822—1823 годам отход ряда современников Пушкина от противоправительственной оппозиции, то станет вполне очевидным, почему в 1825 году его надежды на ближайшие «политические перемены» значительно ослабли. За обращенным к одному из друзей призывом взглянуть на трагическое поражение декабрьского восстания «взглядом Шекспира» скрывалось понимание Пушкиным закономерности краха переворота, который невозможно было осуществить при данных условиях силами небольшой группы. В объяснении правительству по поводу стихотворения «Андрей Шенье» Пушкин, сравнивая французскую революцию с восстанием декабристов, писал: «Что же тут общего с несчастным бунтом 14 декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу заговорщиков?» О «силе вещей» (то есть государства) в сравнении с

¹ К этому же году относится и стихотворение «Свободы сеятель пустынный».

ничтожной силой восставших Пушкин упоминал неоднократно. Трезвый взгляд на причины неудачи восстания, разумеется, не мешал Пушкину признать огромное историческое значение подвига декабристов, и, обращаясь к ним, он писал:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...

Несмотря на усиление николаевской реакции после 1825 года, Пушкин не переставал верить в то, что «придет желанная пора», «оковы тяжкие падут»... Возвратив поэта из ссылки, царское правительство думало обезоружить его, «направить его перо», как писал Бенкендорф Николаю I. Но «обезвредить» Пушкина не удалось: не помогла ни тройная цензура, ни травля, ни угрозы Жуковского. «Одна лишь звонкая и широкая песня Пушкина звучала в долине рабства и мучений, — писал Герцен о годах николаевской реакции: — эта песня продолжала эпоху прошлую, наполняя мужественными звуками настоящее и посылая свой голос будущему».

Поражение декабрьского восстания заставило Пушкина еще глубже задуматься о путях исторического развития, о тех силах, которые в конце концов приведут к «политическим переменам». После возвращения из ссылки он надеялся своим творчеством воздействовать на общественное мнение и распространить просвещение, которое было для него, так же как и для декабристов, равнозначно понятию исторического прогресса во всех областях общественной жизни¹.

Именно в этом смысл утверждений Пушкина, что писатели всегда должны быть «впереди во всех набегах просвещения» и, следовательно, первыми выносить «все невзгоды, все опасности». Вслед за передовыми французскими просветителями, подгото-

вившими идейную почву для революции 1789 года, Пушкин считал писателей вождями и учителями народа. Свое гражданское призвание он видел в том, чтобы «глаголом жечь сердца людей», указывать путь движения к прогрессу, неустанно звать вперед. Недаром виднейший представитель революционно-демократического просветительства — Добролюбов назвал Пушкина «одним из вождей просвещения своей родины».

С самого начала своей творческой деятельности Пушкин смотрел на труд писателя с точки зрения «политического мыслителя». «Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела, между тем как прежде она была, по удачному глаголю одного из старинных журналов, «приятным и полезным препровождением времени» для тесного кружка дилетантов. Он был первым поэтом, который стал в глазах всей русской публики на то высокое место, какое должен занимать в свой стране великий писатель», — сказал о Пушкине Чернышевский. В самом деле, к какой бы отрасли литературы Пушкин не подходил, всюду проявлялась его забота о просвещении. Создавая свои бессмертные художественные произведения, он демонстративно противопоставил правилам придворной и салонной литературы «для немногих» принципы правдивости, ясности, простоты. Как политическую задачу рассматривал поэт и необходимость образования национального русского языка, замечая: «Просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись».

Большое значение для организации общественного мнения он придавал литературной критике.

Говоря о роли критики в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», Пушкин писал: «Нападения на писателя и оправдания, коим поддаются они повод, — суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц... Мало-помалу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота нравов». Многообразна была деятель-

¹ Близкая декабристам трактовка Пушкиным «просвещения» была подмечена Николаем I. По поводу написанной для царя «Записки о народном воспитании» Бенкендорф написал Пушкину: «Его величество при сем заметил изволили, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оное толковое число молодых людей».

ность Пушкина. Создатель русского литературного языка, родоначальник новой русской литературы, критик, журналист, историк — он всюду внес свой гений новатора, сокрушавшего догмы феодально-крепостнической идеологии.

Естественно, что в лице самодержавного государства и его официальных представителей Пушкин видел непримиримых противников своих идеалов. Слухи об учреждении в 1826 году правительственного «секретного комитета» для разработки плана реформ вызвали у Пушкина кратковременные иллюзии о возможности компромисса с царем. Тревога за судьбы родины и горячее желание улучшить положение народа руководили Пушкиным, когда он писал стихотворение «Стансы». Поэт приводил в качестве примера Николаю I реформаторскую деятельность Петра Великого, который

смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

В стихотворении «Друзьям» Пушкин в ответ на обвинения в лести еще раз подчеркнул свое стремление помочь родине, указав, что льстец тот, кто скажет царю:

...презирай народ,
Гнет природы голос нежный!
...просвещенья плод —
Страстей и воли дух мятежный.

Иными словами: льстец стремился бы говорить именно то, что могло бы понравиться царю. Поучения же Пушкина были совсем другого характера, и Николай, конечно, отверг их. Реакционная политика царя, не престаившее преследование всех, кто не капитулировал перед самодержавием, быстро рассеяли иллюзии Пушкина. «В нем много прапорщика и немножко от Петра Великого» — заметил Пушкин в своем дневнике.

Ни травля царской своры, ни преследование цензуры, ни крушение надежд на возможность склонить царя к необходимости реформ не разоружили Пушкина. Он упорно продолжал отстаивать свою независимость от требований «светской черни», стремился к дальнейшей демократизации своего творчества и расширению тематического диапазона. Он не видел реальных социальных сил, от которых можно было бы ожидать развернутой борьбы за политическую свободу. Но он горячо верил в то, что эти силы со временем созреют. И здесь чрезвычайно симптоматично обращение

Пушкина к изображению «низших слоев» общества («Повести Белкина», «Медный всадник») и, в особенности, к разработке тем народных мятежей и восстаний.

Интерес к истории возник у Пушкина в прямой связи с его размышлениями о пути исторического развития России. Одна только история народа может объяснить истинные требования «оного» — писал он незадолго до смерти.

Несмотря на всю противоречивость своего отношения к крестьянским восстаниям и боязнь их, Пушкин со смелостью и силой гениального художника изображал антагонизм между народом и самодержавием, как одну из самых характерных особенностей русской истории. Это идея проходит в качестве одного из основных мотивов «Бориса Годунова», ее отзвуки слышатся и в философски насыщенных строфах «Медного всадника» и в сдержанном лаконизме «Капитанской дочки».

В критической литературе, посвященной последнему из этих произведений, обычно особо подчеркивалась характеристика крестьянского восстания как «бессмысленного и беспощадного». Но этому восстанию Пушкин противопоставлял не кровавые методы царских усмирителей, а политику гуманного отношения к крестьянству. Инстинкт классового самосохранения не помешал Пушкину на всем протяжении «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева» обнаружить явные симпатии к восставшему народу и его вождю Пугачеву. Раскрывая причины возникновения пугачевского восстания, Пушкин поднялся до осознания его классовых корней и целей. В заметках к «Истории Пугачева», наиболее полно раскрывающих позиции Пушкина, содержится следующая характеристика движения: «Ведь черный народ был за Пугачева: духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны»¹.

Сопоставляя действия Пугачева и его сто-

¹ Разрядка моя.— Б. М.

ронников с действиями царских усмирителей восстания, Пушкин отмечает: «...мятежники избрали средства самые надежные для достижения своей цели. Правительство со своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно». В противовес официальной традиции, изображавшей Пугачева злодеем и извергом, Пушкин сочувственно рисует образ вождя восстания. Пугачев в отличие от руководителей царской армии «не был самовластен», проявлял героическую самоотверженность, умел выбрать верную тактику и даже его «возмутительные послания» являлись казакам, в отличие от «вялого» объявления генерала Рейнсдорпа, «есть удивительный образец народного красноречия».

Все это не дает, конечно, оснований сделать вывод о переходе Пушкина на позиции крестьянской революции: он считал, что всякое движение должно быть возглавлено носителями «разума», людьми просвещенными (отсюда особый интерес Пушкина к тем сторонникам Пугачева, которые были выходцами из «хороших дворян»). Но живая заинтересованность Пушкина крестьянским движением, как реальной силой, противостоящей феодально-крепостническому государству, несомненна. Исключительно интересна и общая оценка поэтом исторического значения этого движения: «Нет худа без добра»: Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 году последовало новое учреждение губерний. Государственная власть была сосредоточена; губернии слишком пространные разделились; сообщения всех частей государства сделалось быстрее etc».

Как мы видим, в освещении корней и сущности пугачевского восстания Пушкин во многом смог преодолеть основные предрассудки. Возвышается он над тенденциями своего класса и в понимании неизбежности и исторической прогрессивности крушения феодализма. Во всей русской классической драматургии нет произведения, в котором эта тема была бы разработана с такой философской глубиной, как в пушкинских «Сценах из рыцарских времен». В этой пьесе резко противопоставлены две враждебные социальные группы — рыцарство и буржуазия, к которой примыкают и крестьяне, восстание которых организовано сыном

торговца сукном. В черновом плане пьесы (она осталась незаконченной) указано, что борьбу эту решает техника: «Осада замка. Бертольд взрывает его. Рыцарь — воплощенная посредственность — убит пулей. Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобретение книгопечатания — своего рода артиллерия)». С исключительной остротой показывает Пушкин обреченность феодализма, паразитический образ жизни рыцарей, их экономическую и культурную деградацию. Демократизм пушкинского гуманизма нашел концентрированное выражение в разговоре мещанина Франца и неутомимого искателя «perpetuum mobile» Бертольда.

«Франц. Разве мещанин недостоин дышать одним воздухом с дворянством? Разве не все мы произошли от Адама?»

Бертольд. Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель тоже были братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В первом семействе мы уже видим неравенство и зависть».

Франц, представитель «низших» слоев общества, отвечающий на оскорбление рыцаря организацией крестьянского восстания, дерзкий, новатор Бертольд, работающий над открытием вечного двигателя для того, чтобы сломать все преграды перед «творчеством человеческим» символизирует в «Сценах» реальные силы исторического процесса, которые при помощи новейшей техники и просвещения («книгопечатание — своего рода артиллерия»), осуществляют разгром старого мира.

Старое идеалистическое литературоведение, стремившееся доказать, что Пушкин к концу жизни пришел к религиозному смирению и примирению с действительностью, замалчивало «Сцены из рыцарских времен». Наши критики и литературоведы, ломавшие копыя в споре о «дворянском самосознании» поэта, также игнорировали значение этого произведения. В опромной литературе о Пушкине лишь Чернышевский заметил, что «Сцены из рыцарских времен» должны быть в художественном отношении поставлены не ниже «Бориса Годунова», а, быть может, и выше». В самом деле художественная сила «Сцен» исключительна. Эта пьеса, начатая в 1834 году, с необычайной ясностью показывает, куда шел Пушкин.

Интересы класса, к которому он принадлежал, никогда не ставились им выше интересов нации. Если он и называл дворянство «высшим сословием народа», то имел в виду роль тех выходцев из дворян, к которым принадлежал он сам и из среды которых выдвинулись декабристы. Гордость «шестисотлетнего дворянина» он противопоставлял то «табели о рангах», то травле его реакционными журналистами из мещан, указывая, что эти журналисты нападают «не на новое дворянство.... составляющее нашу знать, истинную богатую и могущественную аристократию — *pas si bête*¹».

Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, к которому принадлежит и большая часть наших литераторов». В «Сценах из рыцарских времен» Пушкин сбрасывает и эту оболочку сословных представлений, изображая союз «третьего сословия» и крестьянства как силу, сокрушающую феодальный мир с помощью новейших достижений «просвещения».

Но, показывая закономерность гибели феодализма, Пушкин вместе с тем реалистически изобразил явления, вызванные развитием капитализма. В «Скупом рыцаре» он вскрыл сущность денег, представляющих в основном на угнетении обществе «всеобщее извращение и н д и в и д у а л ь н о с т е й, которые они превращают в их противоположность и придают им свойства, обратные их собственным свойствам» (Маркс).

В монологе барона даны классические формулы для определения этой сущности золота:

А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель

— Да! Если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных.

В «Пиковой даме» Пушкин продолжил художественное раскрытие отрицательных сторон новой капиталистической эры (об-

раз Германа, готового любыми путями завоевать дорогу к власти). Неоднократно указывая на необходимость для России заимствования прогрессивных сторон «европейского просвещения», Пушкин в то же время понимал, что буржуазный демократизм вовсе не олицетворяет собой действительную свободу народа. В отрывке «Что такое дворянство» Пушкин пришел к выводу, что как в монархически-аристократическом, так и в буржуазно-республиканском государстве народ поработен. Резкой критике подверг он американскую демократию. Констатируя, что Америка «спокойно совершает свое поприще донныне безопасная и цветущая... гордая своими учреждениями», Пушкин отмечает, что внимательное изучение «нравов и постановлений американских» «возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными». Подавление всего благородного, бескорыстного, возвышающего человеческую душу» неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (*comfort*)» «большинство, нагло притесняющее общество», рабство негров «посреди образованности и свободы», «родословные гонения в народе» — все эти черты американского политического строя и заставляли Пушкина признать, что действительной свободы и действительного равенства здесь не существует. Он догадывался, что и в буржуазных государствах антагонизм между правительством и народом не исчезает: «В Англии правительство только тогда и показывается народу, когда приходит оно стучаться под окнами, собирая подати. Во Франции — когда выводит оно свои пушки противу площадного мятежа». Наконец, не прошло мимо внимания Пушкина и положение английского пролетариата. «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами у египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смигта или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все это есть не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобрете-

¹ Они не настолько глупы!

нии новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию...» С изумительной пронзительностью вскрыл здесь Пушкин все «преlestи» капиталистического строя — и ужасы фабричной эксплуатации, и нищету масс...

Великий народный поэт, сумевший рассмотреть в поступательном движении истории то, что не было заметно его современникам, мечтал об ином будущем русского народа. Ни феодальная, ни буржуазная система не отвечала его идеалам свободного развития личности, гуманизма и справедливости. Он воспел петровские реформы, которые были «писаны кнутом», так как понимал, что они ознаменовали важный этап на пути преодоления отсталости своего отечества. Он признавал также, что буржуазный строй, хотя и основанный на лицемерии и лжи, власти денег, все же несравненно прогрессивнее самодержавно-крепостнического режима. Но пламенная вера в силы своей родины подсказывала Пушкину, что могучий русский народ обретет иной путь борьбы за свободу, путь своего развития. Пушкин не оставил ни в своих произведениях, ни в исторических заметках ясно и определенного ответа на вопрос о путях исторического развития России. Будучи самым передовым человеком своей эпохи, он тогда еще не мог видеть тех социальных сил, которые проявили себя много лет спустя. Но в пушкинском утверждении, что европейские конституции его времени являются крупным шагом вперед, но «шагом, который не будет единственным», в его напряженных поисках путей обретения народом действительной свободы, в его сверкающем оптимизме заключалось ощущение неизбежности крушения мира рабства и угнетения и торжества справедливости.

Мечта Пушкина осуществилась. Великая пролетарская революция освободила народы нашей многонациональной родины и открыла перед ними невиданные перспективы строительства счастливой, радостной жизни. «История народов знает не мало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были односторонними революциями. Менялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась.

Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей»¹.

В этих словах гениального зодчего социалистического общества с исчерпывающей ясностью характеризуется социалистический гуманизм нашей революции.

Пушкин в продолжении всей своей жизни мечтал о строе, в котором человек обретет возможность всестороннего, ничем не подавляемого развития своей индивидуальности, возможность творческого труда, наслаждения всеми сокровищами искусства и культуры.

Пушкин мечтал о равноправии национальностей, о праве человека на счастье, независимо от цвета кожи и от языка. С негодованием отозвался поэт о рабстве негров. В стихотворении «Кавказ» он с величайшей скорбью писал:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят, —

а незадолго до смерти выразил уверенность в том, что придет время, когда все народы России с благодарностью назовут его имя.

Пушкин мечтал о разрушении «непреодолимых преград» для развития подлинного народного искусства, содержанием которого явились бы «человек и народ, судьба человеческая, судьба народная». Он понимал, что создания возможностей расцвета такого искусства «надобно было бы переменить и испровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий».

Все эти мечты, дорогие всему прогрессивному человечеству, осуществились в стране социализма. Золотая книга народов — Сталинская Конституция — свидетельствует о рождении нового мира, несущего с собой невиданный в истории расцвет культуры и полное уничтожение преград, мешающих развитию в человечестве всех его способностей и талантов. Творчество Пушкина близко и понятно трудящимся всех нацио-

¹ Сталин — Речь на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников.

нальностей именно потому, что в нем с огромной искренностью воплощены мечты и чаяния народа, сотни лет страдавшего под гнетом эксплуататоров.

Сто лет назад царское правительство, организовавшее убийство Пушкина, стремилось скрыть от народа свое преступление и не допустить проявлений народного негодования. Но эти попытки не удалась. «Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иногда даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта, — писала свидетельница в письме: — Нельзя без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь думал и сожалел о краткости его блестящего поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укорины, которыми поносили память славного поэта и несчастного супруга, с изумительным мужеством принесшего свою жизнь в жертву чести...»

Великий революционно-демократический критик Белинский писал о Пушкине: «Придет время, когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».

Это время пришло. Творчество Пушкина

является для нас не только гениальным отражением одного из важнейших этапов русской истории, но и «неиссякаемым источником духовного обогащения нынешних и грядущих поколений человечества» (Косарев).

Пушкин не воспел ни одного чувства, недостойного идеала высокой гуманности. Он остается великим учителем уважения к достоинству человека. Его лирика, воплотившая в прекрасных художественных образах облагораживающую силу любви и искренности, освобожденный от эгоистических устремлений дружбы, составляет лучшие страницы мировой литературы. Жизнеутверждающая музыка пушкинских стихов волнует нас как напоминание о прошлом нашей родины и как призыв к завоеванию новых побед в борьбе за счастье человечества, побед коммунизма.

«Смирись, гордый человек!» — провозгласил Достоевский в своей знаменитой речи на открытии памятника Пушкину. Лживости этого лозунга, с такой радостью подхваченного всеми контрреволюционными силами царской России, противостоит вдохновляющая правда пушкинских слов, по-новому звучащих в дни великой социалистической стройки:

Счастливы вы человек, для жизни ты живешь!

КРАСНАЯ НОВЬ

ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

О Р Г А Н
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЯНВАРЬ

№ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1 9 3 7